

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ: СОСТОЯНИЕ И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© 2010 г. Л.В. Брусницын¹

Необходимость решения проблемы защиты лиц, содействующих правосудию, в России была осознана достаточно давно: ещё в 1990 г. в Академии МВД СССР эту проблему включили в перечень тем научных исследований, предполагалась и подготовка соответствующего законопроекта. Тем не менее, на законодательном уровне первый шаг был сделан лишь в 2001 г. с принятием УПК РФ; в 2004 г. был принят Федеральный закон “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства” (далее – *Закон о госзащите потерпевших, Закон*). Однако нельзя сказать, что результаты проделанной работы достаточны, а задачи, стоящие перед законодателем, ясны. Обратимся к тем вопросам, освещение которых возможно в рамках одной статьи.

Но прежде определимся в терминах. В некоторых исследованиях государственная защита указанных лиц сводится к *обеспечению их безопасности*², что противоречит ст. 1 *Закона о госзащите потерпевших*, согласно которой данная защита включает и меры их *социальной поддержки*. Поэтому работы, объект и предмет которых авторы связывают с *государственной защитой* (далее – *госзащита*), должны включать и анализ мер социальной поддержки (в настоящей статье рассматриваются оба аспекта госзащиты, потому содержание статьи соответствует ее названию). Исследования же, посвященные *обеспечению безопасности* указанных лиц либо их *социальной поддержке*, надлежит озглавливать в соответствии с избранными объектом и предметом исследования³.

Одна из компонент рассматриваемого законодательства – **система мер безопасности**. Её образуют подсистемы (группы) мер, возможные в рамках: уголовного судопроизводства, оперативно-розыскной деятельности, пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия. Кроме того, есть меры, обладающие свойством *универсальности* – свойством, выражающимся в возможности их применения не только, например, в ходе уголовного судопроизводства, но и за его пределами, не только к участникам судопроизводства, но и к их близким; возможно продолжение их реализации и по завершении всех перечисленных видов деятельности государства, например: проживание на новом месте жительства защищаемого лица, к которому была применена мера безопасности в виде переселения.

В России *универсальные* меры безопасности (от *охраны до переселения* защищаемых) закреплены в *Заоне о госзащите потерпевших*. При этом расширение их перечня вряд ли можно отнести к актуальным задачам, т.к. данным *Законом*, по сути, предусмотрены все универсальные меры, применяемые в мире⁴. Насущной задачей является устранение проблем их реализации.

Одна из таких проблем обусловлена тем, что применение меры безопасности в виде *замены документов* не прекращает правоотношений защищаемого с третьими лицами. Поэтому, например, в Латвии *Законом “Об особой защите*

защите потерпевших: пунктом 1 Указа Президента РФ от 6 сентября 2008 г. в МВД РФ предусмотрено создание “подразделений **по обеспечению безопасности** (выделено мною. – Л.В.) лиц, подлежащих государственной защите”, – название подразделений сформулировано в точном соответствии с тем, что осуществление *мер социальной поддержки* в их компетенцию не входит.

⁴ Не предусмотрена в России лишь выдача защищаемым оружия, указанная в ст. 10 Модельного закона “О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству”, рекомендованного Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ для учета при разработке соответствующих национальных законов (выдачу оружия предусмотрели Азербайджан и Казахстан).

¹ Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Московского государственного индустриального университета, доктор юридических наук.

² См., например: *Левченко О.В.* Уголовно-процессуальные меры безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, содействующих правосудию. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12; *Крайнов В.И.* Особенности государственной защиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6, 10–12.

³ Пример точного использования терминов можно увидеть в нормативных актах, принимаемых на базе *Закона о гос-*

лиц” 2005 г. установлено, что при разрешении гражданско-правовых вопросов в судах интересы защищаемого лица представляет должностное лицо специального охранного учреждения. Сходные положения содержит законодательство Италии: там защищаемый, являющийся стороной в гражданском процессе, при его вызове в суд может обратиться в Центральную службу защиты с просьбой уведомить судью о том, что он освобожден от явки в суд; при этом его неявка в суд не может истолковываться как обстоятельство, “дающее преимущество другой стороне”⁵. Российскому законодателю предстоит решить эти вопросы, поскольку ч. 2 ст. 9 *Закона о госзащите потерпевших*, гласящая: в случаях, “связанных с производством по другому уголовному либо гражданскому делу, сведения о защищаемом лице могут быть представлены в органы предварительного расследования, прокуратуру или суд на основании письменного запроса прокурора или суда (судьи) с разрешения органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты”, относится лишь к одной мере безопасности – *обеспечению конфиденциальности сведений о защищаемом лице*.

О другой проблеме, которая превращает госзащиту в фикцию, причем в случаях, когда существует угроза самой жизни лица, подлежащего защите, говорит следующий факт: после избрания сотрудниками *ГУ МВД России по Уральскому федеральному округу* меры безопасности в виде *замены свидетелю документов* управление ЗАГС Свердловской области, областные Минобразования и подразделение ФНС отказали в выдаче новых документов из-за “отсутствия законодательно закрепленных процедур реализации государственной защиты указанным способом”. Анализ этой ситуации привел к выводу о необходимости внесения соответствующих дополнений и изменений в жилищное, трудовое и пенсионное законодательство⁶. Возможно, требуются изменения и других отраслевых законов, но дело в том, что эти вопросы не относятся к предмету уголовно-процессуальной науки. В то же время вряд ли

они интересны в качестве объекта исследований представителям других отраслевых наук. Изложенные обстоятельства уже повлекли затягивание решения рассматриваемой проблемы. Выход видится в создании, возможно под эгидой Комитета по безопасности Государственной Думы ФС РФ⁷, рабочей группы из юристов соответствующих специальностей для подготовки законопроекта, объединяющего все необходимые разноотраслевые новеллы.

Существенная проблема – источники и порядок финансирования реализации универсальных мер безопасности. Еще до появления в России *Закона о госзащите потерпевших* в качестве источников финансирования этих мер отечественные юристы предлагали использовать суммы, вырученные от реализации бесхозного и конфискованного имущества, штрафы за правонарушения, средства, внесенные при применении меры пресечения – залога и обращенные в доход государства. За рубежом значительную часть необходимых средств составляют пожертвования частных лиц. Кроме того, в Бельгии, например, с каждого осужденного взыскивается 50 евро в фонд жертв преступлений, средства которого могут использоваться для финансирования мер безопасности. В США часть средств, конфискуемых у преступников, идет на финансирование *Программы защиты свидетелей*. Кроме того, каждый осужденный в этой стране выплачивает штраф (100 долл.), идущий на финансирование той же *Программы*. В ближнем зарубежье – в Азербайджане, Молдавии и Украине расходы, связанные с реализацией универсальных мер, по общему правилу осуществляются государством, но защищаемый может взять их на себя частично или полностью.

Российский *Закон о госзащите потерпевших* подобных положений не содержит. Более того, ч. 3 ст. 28 данного Закона запрещает возложение каких-либо расходов на защищаемого. В то же время практика показала, что существующий порядок выделения госбюджетных средств на реализацию мер безопасности не обеспечивает их своевременного применения. Так, в органах внутренних дел (а это основная структура по реализации мер безопасности) для получения денежных средств следует представить целый “пакет” документов: обоснование необходимости собственно госзащиты, “финансово-экономическое обоснование” затрат на конкретные меры

⁵ Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. Сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / Под общ. ред. В.В. Черникова. М., 2000. С. 23.

⁶ Малов А.А., Тимошенко А.А. Состояние законности и проблемные аспекты применения мер государственной защиты к потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства. М., 2008. С. 8.

⁷ Поскольку именно этим Комитетом в начале 90-х годов XX в. был разработан проект *закона о госзащите потерпевших*. Он же в 2001 г. инициировал возобновление законодательной деятельности по принятию данного закона.

безопасности, справку соответствующих организаций о стоимости тех или иных услуг в регионе, где планируется реализация этих мер, и проч. Лишь по получении перечисленных документов *Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих госзащите*, рассматривает запрос на средства. И даже при его удовлетворении средства перечисляются в течение месяца, нередко позже; имеют место и немотивированные отказы в их выделении. Как следствие – случаи, подобные тому, когда предприниматель А. – свидетель убийства участника организованной преступной группы (ОПГ), совершенного в Удмуртии членами конкурирующей ОПГ, из-за угроз преступников содержался в безопасном месте за его же счет с мая по декабрь 2006 г.⁸ Изложенное свидетельствует по меньшей мере о необходимости изменения порядка финансирования реализации универсальных мер безопасности из госбюджета. Кроме того, представляется возможным рассмотреть вопрос о допущении использования других помимо бюджетных средств, в том числе на добровольной основе, средств защищаемого лица (вариант: с условием возмещения ему затрат в установленный срок).

Еще один аспект, связанный с реализацией мер безопасности данной группы: помимо Федерального закона для исчерпывающего урегулирования порядка их осуществления необходим подзаконный нормативный правовой акт. Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. утверждены Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (далее – *Правила*). Достаточна ли в них *степень детализации* осуществления личной охраны защищаемого лица (п. 4–6 *Правил*); охраны его жилища и имущества (п. 7) и прочих указанных в *Правилах* мер безопасности – покажет практика их применения. Позитивным является то, что, хотя бы на подзаконном уровне, нашли отражение вопросы, которые следовало бы урегулировать в *Заоне о госзащите потерпевших*. Так, в п. 2 *Правил* установлено, что об избрании мер безопасности и способах их применения орган, осуществляющий эти меры, выносит *постановление*; в п. 11 предусмотрено: замена документов может носить как *временный*, так и *постоянный* характер. В то же время встречается и ненужное дублирование норм *Закона*. Так, п. 14 *Правил* повторяет содержание ч. 3 ст. 6 *Закона*, в которой установлено, что изменение места работы (служ-

бы) или учебы защищаемого лица осуществляется *только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях*.

По моему мнению, *Правила* должны быть дополнены нормами, не дублирующими, а раскрывающими положения *Закона*. В частности, абз. 1 п. 11 *Правил* следует дополнить разъяснением, что, исходя из содержания *Закона*, не требуется *предварительного* применения менее дорогостоящих мер безопасности в качестве условия для замены документов и изменения внешности. В приложении к *Правилам* целесообразно привести *типовые формы* договоров между защищаемым лицом и органом, обеспечивающим его безопасность, поскольку, как показала практика, их отсутствие затрудняет реализацию мер безопасности.

Круг лиц, наделенных правом принимать решения об осуществлении госзащиты (о применении универсальных мер безопасности). Подробнее остановимся на следующих вопросах.

Федеральным законом от 24 июля 2007 г. в ч. 2 ст. 3 *Закона о госзащите потерпевших* из числа субъектов, наделенных этим правом, исключен прокурор⁹, чего не следовало делать. Как уже отмечалось, перечисленные в ч. 2 этой статьи субъекты правомочны принимать решения об осуществлении госзащиты в тех случаях, когда в *их производстве* находится сообщение о преступлении либо уголовное дело¹⁰. В отношении прокурора УПК РФ (в ред. *Закона* от 5 июня 2007 г.) сузил, но не исключил эти случаи.

Во-первых, в *производстве прокурора* находится сообщение о преступлении до вынесения им согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания. Во-вторых, в *его же производстве* в течение 10 суток находится уголовное дело при осуществлении им полномочий, предусмотренных гл. 31 УПК РФ, т.е. при принятии прокурором решений, указанных в ст. 221 УПК РФ: об утверждении

⁹ Очевидно, данный шаг был предпринят в русле сужения полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве в соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2007 г.

¹⁰ Что касается ч. 4 той же статьи, которая, как и прежде, гласит: “меры безопасности... по уголовным делам, находящимся в производстве суда или прокуратуры, осуществляются по решению суда (судьи) или **прокурора**...”, то законодатель, очевидно, забыл привести ее в соответствие с новой редакцией ч. 2 ст. 3 *Закона о госзащите потерпевших*.

⁸ Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 20–22.

обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд и проч. И при возникновении в эти периоды угрозы посткриминального воздействия нуждающиеся в защите лица останутся без таковой. Ведь согласно новой редакции ч. 2 ст. 3 Закона прокурор не вправе применять меры безопасности¹¹, у следователя же и у суда (судьи) соответствующие полномочия еще не возникли либо – при направлении следователем уголовного дела с обвинительным заключением прокурору – прекратились. По моему мнению, законодателю следует вернуться к первоначальной редакции ч. 2 ст. 3 указанного Закона.

Законом от 5 июня 2007 г. в УПК РФ введен и новый участник уголовного процесса – *руководитель следственного органа*. До 14 июля 2009 г.¹², отвечая на вопрос, обладает ли он полномочиями по применению мер безопасности, предусмотренных *Законом о госзащите потерпевших*, пришлось бы ответить – не обладает. Дело в том, что, во-первых, данный Закон не упоминает *руководителя следственного органа*, т.е. не является правовым актом, устанавливающим его полномочия. Во-вторых, хотя *руководитель следственного органа* вправе возбудить уголовное дело и провести предварительное следствие, он наделяется при этом согласно ч. 2 ст. 39 УПК РФ правами следователя, предусмотренными данным Кодексом, а до принятия Федерального закона от 29 июня 2009 г. в ч. 3 ст. 11 Кодекса было указано право следователя применять меры безопасности, предусмотренные УПК РФ, но не *Законом о госзащите потерпевших*.

Федеральным законом от 29 июня 2009 г. ч. 3 ст. 11 УПК РФ дополнена словами: “а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации”. Этим проблема наделения руководителя следственного органа полномочиями следователя, которыми последний обладает по *Законоу о госзащите потерпевших*, решена лишь частично, поскольку: руководитель следственного органа правомочен применять

универсальные меры безопасности (согласно действующей ред. ч. 3 ст. 11 УПК РФ) только к участникам уголовного судопроизводства. В ст. 2 Закона о госзащите потерпевших круг лиц, к которым могут применяться универсальные меры безопасности, шире: помимо участников уголовного судопроизводства (перечислены в ч. 1 ст. 2) в него включены очевидцы, жертвы преступлений, иные лица, способствующие предупреждению или раскрытию преступления – до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 2), а также близкие родственники, родственники и близкие лица для субъектов, указанных в ч. 1 и 2 ст. 2 Закона. Такой итог позволяет предположить, что при вышеуказанном дополнении ч. 3 ст. 11 УПК РФ вопрос полномочий руководителя следственного органа по предотвращению **посткриминального воздействия**¹³ находился вне поля зрения законодателя. Решение же этого вопроса заключается в указании руководителя следственного органа в ч. 2 ст. 3 Закона о госзащите потерпевших среди субъектов, полномочных принимать решение об осуществлении этой защиты. До названного дополнения при нахождении уголовного дела в производстве руководителя следственного органа применение универсальных мер безопасности существенно ограничено *по кругу лиц*, хотя именно по делам, принимаемым к производству данным должностным лицом, вследствие их масштабности высока вероятность посткриминального воздействия не только на участников уголовного судопроизводства, но и на близких им людей¹⁴.

Наиболее активно посткриминальное воздействие осуществляется в ходе уголовного судопроизводства, однако **задача государства защищать тех, кто содействует (содействовал) правосудию, не может быть ограничена пределами уголовного судопроизводства**. Эта задача актуальна и в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), неотъемлемой частью которой является содействие граждан, в том числе конфи-

¹¹ Заметим, что в ч. 3 ст. 11 УПК РФ прокурор не был исключен из числа субъектов, правомочных применять меры безопасности, предусмотренные УПК РФ (очевидно, законодатель забыл сделать это, как он забыл ч. 4 ст. 3 Закона о госзащите потерпевших привести в соответствие с новой редакцией ч. 2 той же статьи). Однако, учитывая содержание предусмотренных УПК РФ мер безопасности, последние объективно не могут применяться в периоды, когда сообщение о преступлении и уголовное дело находятся в производстве прокурора.

¹² 14 июля 2009 г. вступил в силу Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 29 июня 2009 г.

¹³ Кратко посткриминальное воздействие определяется как воздействие в запрещенных УК РФ и в иных формах, осуществляемое преступниками и иными лицами в отношении жертв, очевидцев преступлений и других граждан, содействующих, способных оказать или оказавших содействие правосудию.

¹⁴ Напомним данные, приведенные Е.А. Галактионовым по трем масштабным уголовным делам: 98% из 398 свидетелей принуждались к даче ложных показаний; при этом принуждение выражалось в угрозе насилием самим свидетелям в 75 случаях (19%), а в отношении их близких – в 102 случаях (26%) (см.: Галактионов Е.А. Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 86–87).

денциальное. Часть 7 ст. 18 Закона “Об оперативно-розыскной деятельности” от 12 августа 1995 г. (далее – *Закон об ОРД*) предусматривает для защиты граждан проведение спецмероприятий в порядке, определяемом действующим законодательством. Еще до принятия *Закона о госзащите потерпевших* высказывалось мнение, что под такими мероприятиями следует понимать меры, аналогичные принимаемым для защиты *должностных лиц* оперативно-розыскных органов¹⁵, т.е. меры, предусмотренные Законом “О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов” от 20 апреля 1995 г. Но нормы Закона от 20 апреля 1995 г. не могут применяться к гражданам, указанным в ч. 7 ст. 18 *Закона об ОРД* – ведь они не включены в круг защищаемых субъектов, установленный Законом “О государственной защите судей...”.

Следует признать, что ч. 7 ст. 18 *Закона об ОРД* – лишь декларация, и она будет оставаться таковой, пока *Закон о госзащите потерпевших* не будет дополнен нормами, позволяющими применять *универсальные* меры безопасности не только к участникам уголовного судопроизводства, но и к гражданам, содействующим ОРД. Приведем пример. В марте 2005 г. ЦОС ФСБ РФ проинформировал, что граждане, сообщившие подразделению спецназа о месте нахождения А. Масхадова (благодаря чему тот был уничтожен), при необходимости будут переселены на новое место жительства, поскольку подпадают под действие *Закона о госзащите потерпевших*¹⁶. Действительно, согласно ч. 2 ст. 2 *Закона* под его действие помимо участников уголовного судопроизводства подпадают *иные лица, способствующие предупреждению или раскрытию преступления*, к коим относятся и вышеуказанные граждане. Однако меры безопасности в отношении этих лиц могут применяться лишь в пределах *стадии возбуждения уголовного дела*, т.е. с даты регистрации в правоохранительном органе *повода* к возбуждению дела¹⁷ до

принятия одного из решений, указанных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ. И, поскольку информация о А. Масхадове была получена после завершения данной стадии¹⁸, переселение вышеуказанных граждан – исходя из перечня лиц, подлежащих защите (перечислены в ч. 1 ст. 2 *Закона*), – возможно лишь после их допросов в качестве свидетелей. Если предположить, что информация о А. Масхадове была получена все же в стадии возбуждения дела, переселение вышеуказанных лиц до её завершения на основании *Закона* все равно было бы невозможным, поскольку в соответствии с ч. 3 его ст. 6 переселение осуществляется по *уголовным делам* (о тяжких и особо тяжких преступлениях), т.е. не может осуществляться до возбуждения уголовного дела.

Очевидно, что в *Законо о госзащите потерпевших* органам, осуществляющим ОРД, надлежит предоставить право в ситуациях, подобных описанной, применять *универсальные* меры безопасности (без легализации граждан в уголовном судопроизводстве, чреватой возникновением большей опасности для них: ведь с приданием им статуса свидетелей информация о них становится известной большему кругу лиц)¹⁹.

По моему мнению, следует устранить и другие явные недостатки *Закона*. Один из них: в п. 4 ч. 2 ст. 14 в качестве меры безопасности для лиц, содержащихся под стражей, указано “изменение меры пресечения в порядке, предусмотренном УПК РФ”. Но, во-первых, возникновение угрозы посткриминального воздействия на содержащегося под стражей не обязательно сопряжено с появлением предусмотренных в УПК РФ оснований для изменения меры пресечения (случай одновременного возникновения угрозы такого воздействия и оснований для изменения (отмены) заключения под стражу возможен, но в этом случае мера пресечения должна быть изменена независимо от наличия угрозы безопасности содержащегося под стражей). Во-вторых, собственно угроза безопасности подозреваемых и

¹⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону “Об оперативно-розыскной деятельности”. С постатейным приложением нормативных актов и документов. М., 1999. С. 158.

¹⁶ См.: Гаврилов В. 10 миллионов за Масхадова // Труд. 2005. 16 марта.

¹⁷ До начала стадии возбуждения уголовного дела применение мер безопасности, предусмотренных Законом, невозможно, так как в соответствии с ч. 2 его ст. 3 решение об осуществлении госзащиты (мер безопасности) принимают субъекты, в производстве которых находится заявление о преступлении либо уголовное дело. Производство же по заявлению о преступлении – не что иное, как уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая в первой стадии уголовного судопроизводства, – в стадии возбуждения уголовного дела.

¹⁸ Уголовные дела в отношении лидеров НВФ, действовавших на территории Чечни, были возбуждены значительно раньше марта 2005 г.

¹⁹ Высказано и иное мнение – о необходимости принятия для защиты лиц, содействующих ОРД, отдельного федерального закона (см.: Тямкин А.В. Теоретические основы, организационно-правовые и тактические проблемы государственной защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел России. Дисс. ... доктора юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 80–81). Однако такое решение вопроса вряд ли оптимально, ведь за исключением круга лиц, подлежащих защите, содержание предлагаемого указанным автором закона, по сути, аналогично содержанию *Закона о госзащите потерпевших*.

обвиняемых не может быть предусмотрена ни в *Законе о госзащите потерпевших*, ни в УПК РФ в качестве основания изменения или отмены меры пресечения, поскольку сама по себе такая угроза не устраняет обстоятельства, послужившего основанием избрания меры пресечения²⁰. Приведенную “меру безопасности” можно объяснить только некомпетентностью её автора в вопросах уголовного процесса. Очевидно, что п. 4 ч. 2 ст. 14 подлежит исключению из *Закона*.

О *техническом прогрессе*. Он не только приносит достижения науки и техники в дело борьбы с посткриминальным воздействием, но и порождает определенные проблемы. Так, появление компьютерных баз данных, содержащих сведения о персональных документах граждан и об их биометрических данных, облегчает преступникам поиск защищаемых лиц, которым заменены документы. На эту и другие проблемы, связанные с развитием компьютерных технологий, обращено внимание на Международной конференции “Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности” (Будапешт, 2007 г.). Пути законодательного решения этих проблем заслуживают того, чтобы стать предметом научных исследований.

Завершая рассмотрение вопросов реализации универсальных мер безопасности, следует сказать, что по прошествии четырех лет со времени принятия *Закона о госзащите потерпевших* не знали о его существовании 11% из 211 опрошенных следователей и 5% из 100 судей²¹. Это говорит о том, что наряду с развитием законодательства необходимы разработка программ по его изучению и их внедрение в процесс обучения студентов юридических вузов, а также в деятельность учреждений, в которых сотрудники правоохранительных органов повышают свою квалификацию.

По сравнению с универсальными мерами безопасности в меньшей степени в России разработана группа мер безопасности, **возможных лишь в границах уголовного процесса и только в отношении его участников**. В настоящее время УПК РФ предусматривает: прослушивание телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186); опознание в условиях, безопасных для опознающего

(ч. 8 ст. 193); закрытое судебное разбирательство (ч. 3 ст. 241); участие потерпевших и свидетелей в уголовном процессе под псевдонимом (ч. 9 ст. 166, ч. 5 и 6 ст. 278).

Вектор развития данной группы мер защиты от посткриминального воздействия включает две взаимосвязанные задачи: (1) расширение *перечня* этих мер и (2) установление такого *порядка* их реализации, который соответствовал бы *международно-правовым стандартам* такой защиты. Решение первой задачи в основном заключается в дополнении УПК РФ мерами, получившими признание в решениях Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и в международно-правовых документах доктринального характера: видеозапись показаний защищаемых лиц и воспроизведение ее (либо оглашение показаний данных лиц) в стадии судебного разбирательства без вызова в суд самих защищаемых (дело *Ховард (Hayward) против Швеции* (1991 г.)²²; дело *А.М. против Италии* (1999 г.)²³; дело *Хулки Гюнеш (Hulki Gunes) против Турции* (2003 г.)²⁴); использование видеотрансляции для допросов в суде лиц, находящихся вне зала судебного заседания²⁵, ряд других мер.

В России есть противники этих мер, обоснованно обращающие внимание на то, что их использование сопряжено с отступлением от такого общего условия судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств²⁶. Однако утверждения тех же авторов о несоответствии указанных мер *Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод* безосновательны. Причина данных утверждений, очевидно, в незнании решений ЕСПЧ, которым соответствующие меры признаны допустимыми в национальном уголовном процессе, причем это незнание продолжает демонстрироваться и тогда,

²² См.: *Маринова Г.* Свидетел с тайна самоличност // Съвременно право. София, 2006. Г. XVII. Кн. 2. С. 48–49.

²³ См.: ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Европейский судебный вестник (Пробный номер журнала). М., 2001. С. 27–28.

²⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 11. С. 21–23.

²⁵ См.: Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятое резолюцией ЭКОСОС ООН в 1990 г. (Дос. А/CONF.144/20, 7 June, 1990).

²⁶ См., например: *Петрухин И.Л.* Защита лиц, содействующих правосудию // В кн.: Рассказывают адвокаты. М., 2000. С. 35, 239, 242; *Невирко Д.Д.* Об анонимности свидетелей в уголовном процессе в контексте иерархии субъективных прав // Росс. юридический журнал. 2003. № 2. С. 60–61.

²⁰ Сказанное обуславливает и несостоятельность включения в п. 4 ч. 2 ст. 14 *Закона* в качестве меры безопасности “изменение уголовного наказания”.

²¹ См.: *Полстовалов О.В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Саратов, 2009. С. 41.

когда прецедентное право ЕСПЧ стало доступным в России²⁷.

Что касается второй задачи – приведения порядка применения мер данной группы в соответствии с международно-правовыми стандартами (которыми установлены и ограничительные условия использования этих мер), то ориентиром здесь служат те же прецеденты ЕСПЧ.

Лица, содействующие (содействовавшие) правосудию, будучи осужденными, находятся в исправительных учреждениях²⁸. Одна из особенностей обеспечения их безопасности – использование субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу, мер безопасности, предусмотренных *Законом о госзащите потерпевших* и УПК РФ (в случаях, когда осужденные являются участниками уголовного процесса), а администрацией исправительного учреждения – мер безопасности, предусмотренных УИК РФ (вне зависимости от того, обладает ли осужденный уголовно-процессуальным статусом). Данное обстоятельство требует такого разграничения полномочий указанных субъектов при применении мер безопасности, которое, с одной стороны, гарантирует безопасность осужденных, а с другой – не повлечет сложности в производстве по уголовным делам, в которых эти осужденные (как защищаемые, так и те, от которых исходит угроза посткриминального воздействия) выступают в качестве обвиняемых, потерпевших либо в ином качестве.

Такое (оптимальное) разграничение пока не достигнуто. Одно из свидетельств тому – ч. 4 ст. 13 УИК РФ (неудачная новелла 2006 г.), согласно которой применение *всех* мер безопасности к осужденному, если он является участником уголовного судопроизводства, возможно только по решению лица, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело. Законодатель не учел, что могут быть ситуации, когда начальнику

исправительного учреждения (далее – ИУ) об угрозе посткриминального воздействия станет известно раньше следователя, судьи и самого осужденного, которому грозит опасность. Тем не менее, исходя из содержания ч. 4 ст. 13 УИК РФ, вместо своевременного принятия мер, не влекущих каких-либо сложностей для производства по делу (например, направление защищаемого в *помещение камерного типа* в том же ИУ), его начальник будет вынужден оставить нуждающегося в защите осужденного без таковой и тратить время на направление информации (об угрозе посткриминального воздействия) лицу, в производстве которого находится уголовное дело, для принятия последним соответствующего решения. Представляется, что решение проблемы – в установлении правила, предусмотренного сейчас в ч. 4 ст. 13 УИК РФ в отношении всех мер безопасности, лишь при применении одной из них – при *переводе* начальником ИУ осужденного в другое ИУ в порядке, предусмотренном УИК РФ (на основании ч. 3 ст. 68 и ч. 2 ст. 81 УИК РФ).

Важный аспект законодательства – **основания применения** мер безопасности. Временные параметры посткриминального воздействия шире, нежели границы уголовного процесса, но именно в его пределах посткриминальное воздействие наиболее активно. Поэтому большинство решений об осуществлении мер безопасности принимаются субъектами, осуществляющими властную уголовно-процессуальную деятельность. Следовательно, требования к содержанию этих решений надлежит определить, исходя из положений уголовно-процессуальной науки. Ею разработана система требований, которым должно соответствовать любое уголовно-процессуальное решение, и доктринальные положения были закреплены в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, согласно которой решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным. В то же время конкретное содержание требований определяется принадлежностью решения к той или иной классификационной группе.

Существуют различные критерии классификации. В рамках рассматриваемого вопроса представляет интерес оценка решений в качестве основных и вспомогательных. К *основным* относят решения, которые содержат ответы на вопросы, составляющие предмет уголовного процесса; решения же, которые способствуют разрешению основных вопросов уголовного дела, носят вспомогательный характер (*вспомогательные* реше-

²⁷ Так, Б.Т. Безлепкиным в очередной раз высказано мнение, что *допрос в суде под псевдонимом* не соответствует мировой практике защиты свидетелей (см.: *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Изд. 6-е, перераб. и доп. М., 2007. С. 403).

²⁸ Борьбе с посткриминальным воздействием в этих учреждениях посвящена диссертация С.В. Маркелова “Уголовно-процессуальные и организационные меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России” (Владимир, 2006). К сожалению, половина её текста является плагиатом – заимствована без указания источника из диссертации автора настоящей работы (см.: *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. Дисс... доктора юрид. наук. М., 2002).

ния)²⁹. Исходя из предназначения мер безопасности, решения об их осуществлении, принимаемые в рамках УПК РФ, а также решения об осуществлении госзащиты, принимаемые согласно ч. 2 ст. 18 Закона, являются вспомогательными, что и предопределяет содержание требований к ним. Одно из основополагающих требований – *обоснованность* решений. И если обоснованность основных решений предусматривает обязательное наличие доказательств, устанавливающих с достаточной (на данном этапе судопроизводства) степенью те или иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, то обоснованность значительной части вспомогательных решений не связывают с наличием доказательственной информации, т.е. к выводу о необходимости принятия вспомогательных решений правоприменитель может прийти не только в результате уголовно-процессуального доказывания, но и посредством других способов познания в уголовном процессе.

Изложенное приводит к выводу: *основаниями* решений об осуществлении мер безопасности являются фактические данные, устанавливаемые как путем уголовно-процессуального доказывания, так и иными способами познания, как с достоверностью, так и с определенной степенью **вероятности**. И в ч. 3 ст. 11 УПК РФ правильно в качестве оснований осуществления мер безопасности указаны “достаточные данные”, а не “доказательства”. Термин “данные” использован и в ч. 1 ст. 16 Закона (при установлении оснований осуществления мер безопасности в этих законах допущены другие ошибки, но речь о них пойдет ниже).

Одним из условий действенности решения является его своевременность – еще одно общее требование, предъявляемое к процессуальным решениям. Содержание данного требования применительно к решениям об осуществлении мер безопасности обусловлено целью этих мер, заключающейся в *превенции* посткриминального воздействия. Предельно ясно эта цель: предотвращение именно *возможных* угроз, – выражена в документах Совета Европы:

в *Рекомендации № R (97) 13 “По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты”* (Приложение к этому документу содержит определение: “запугивание” означает любую прямую, непрямую или потенциальную угрозу свидете-

лю... Это понятие включает в себя и запугивание, ставшее возможным благодаря (1) самому факту существования преступной организации, имеющей репутацию организации, совершающей насильственные преступления и способной мстить, либо (2) факту принадлежности свидетеля к ограниченной социальной группе и потому находящемуся в уязвимом положении”)³⁰.

в *Рекомендации № R (2005) 9 “О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием”*, где указано: “запугивание” означает любые прямые или **косвенные** угрозы, которые были или **могли быть** осуществлены в отношении свидетеля (раздел I Приложения к *Рекомендации*). Эти положения рекомендованы государствам – участникам Совета Европы для разработки национального законодательства.

В свете изложенного согласно ч. 1 ст. 16 Закона о *госзащите потерпевших* такое условие применения мер безопасности, как *реальность* угроз, является отступлением от международно-правовых стандартов защиты участников уголовного процесса. Правда, в некоторых международно-правовых актах, в том числе в вышеназванной *Рекомендации № R (2005) 9*, встречается такая характеристика угроз, как “серьезность”. Однако серьезность угрозы в этих актах квалифицируется не в качестве *условия* применения мер безопасности, а как обстоятельство, подлежащее учету при выборе конкретных защитных мер из возможных³¹, т.е. обращено внимание на необходимость *пропорциональности* характера применяемых мер безопасности характеру угрозы.

Чрезмерная узость в российском законодательстве оснований применения мер безопасности выражена и в ограниченном круге деяний, при наличии которых возможна госзащита: угроза убийства лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества (ч. 1 ст. 16 Закона о *госзащите потерпевших*). Посткриминальное же воздействие выражается в значительно большем спектре деяний. Не исправляет ошибку законодателя и упоминание в ч. 2 ст. 18 Закона, помимо перечисленных в ч. 1 ст. 16 деяний угрозы “иного опасного противоправного деяния”. Дело в том, что российское законодательство не содержит

²⁹ Примеры *основных* решений: о привлечении лица в качестве обвиняемого, приговор. К *вспомогательным* относят решения, направленные на реализацию прав участников процесса (постановления о разрешении ходатайств и др.), о применении мер процессуального принуждения и пр.

³⁰ Цит. по: *Рекомендация № R (97) 13 “По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты”* // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 37.

³¹ См.: п. 14 и 20 Приложения к *Рекомендации № R (2005) 9 “О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием”*.

ни определения, ни перечня таких деяний. Да и сама угроза “опасного противоправного деяния”, строго говоря, не определена в качестве основания применения мер безопасности, поскольку основаниям специально посвящена другая – ст. 16 Закона.

В свете вышеизложенного и учитывая необходимость применения мер безопасности в ходе ОРД, ч. 1 ст. 16 Закона *о госзащите потерпевших* следует изложить в новой редакции: “Основанием применения мер безопасности являются достоверные данные о том, что лицам, заявившим в правоохранительные органы о преступлении или иным образом участвовавшим в его обнаружении, предупреждении, пресечении, в том числе гражданам – участникам оперативно-розыскных мероприятий и (или) уголовного судопроизводства, а также их родственникам и близким могут угрожать либо угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества, а также иными деяниями с целью заставить отказаться от участия в оперативно-розыскных мероприятиях, осуществления уголовно-процессуальных прав и обязанностей либо из мести за указанные виды деятельности”.

Теперь обратимся к основаниям применения мер безопасности, предусмотренным УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 11 меры этой группы применяются при наличии данных о том, что участникам уголовного судопроизводства “угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями” – эта формулировка еще более неудачна по сравнению с Законом *о госзащите потерпевших*. Если использовать её *текстовое (грамматическое)* толкование, применение мер защиты оказывается возможным лишь при условии, что угрозы участникам процесса уже высказываются, осуществляются. Но высказанная либо осуществляемая угроза – это уже приготовление к преступлению, покушение на его совершение либо оконченное преступление (например, угроза убийством). Таким образом, исходя из текстового толкования ч. 3 ст. 11 УПК РФ, невозможно *предотвратить* посткриминальное воздействие, его можно лишь пресечь. Однако угрозы уже высказаны и, возможно, достигли цели. Кроме того, *высказанная угроза* – свидетельство того, что данный участник уголовного судопроизводства известен тем, кто противодействует следствию, и в этой ситуации уже невозможно применение таких мер безопасности, как дача показаний под псевдонимом и опознание по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ.

Высказанные угрозы влекут и то, что лица, которым они адресованы, из страха могут скрывать от следователя, суда факты посткриминального воздействия. В этих случаях, если исходить из текстового толкования ч. 3 ст. 11 УПК РФ, оснований для применения мер безопасности не имеется; цели же посткриминального воздействия достигнуты. Могут быть и случаи, когда носители доказательственной информации испытывают страх перед преступником лишь потому, что он принадлежит к ОПГ либо проживает с ними в одном населенном пункте, где имеет репутацию человека, способного совершить новое преступление – в отношении тех, кто намерен изблечить его в преступной деятельности. Поэтому угрозы могут и не произноситься, но потерпевший или свидетель из страха все равно будут молчать, и применение мер безопасности в этих случаях, исходя из *текстового* толкования ч. 3 ст. 11 УПК РФ, невозможно. Наконец, следуя *текстовому* толкованию данной нормы, невозможно применить меры безопасности при угрозах одному из свидетелей (даже в случае его убийства) для защиты других свидетелей – ведь им угрозы не высказываются.

Кроме текстового возможно и *распространительное* толкование ч. 3 ст. 11 УПК РФ, когда ее действительное содержание понимается несколько шире, чем словесное выражение. Распространительное толкование заключается в том, что меры безопасности должны применяться при наличии достаточных оснований полагать, что участникам уголовного судопроизводства и их близким не только угрожают, но и **могут угрожать** убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества, а также совершением **иных деяний с целью заставить отказаться от осуществления уголовно-процессуальных прав и обязанностей либо из мести за их осуществление**. Именно такое толкование позволяет *предотвращать* посткриминальное воздействие во всех его проявлениях. Тем не менее данное толкование – лишь одно из возможных, поэтому ч. 3 ст. 11 УПК РФ следует изложить в редакции, аналогичной приведенному её расширительному толкованию.

Основания отмены мер безопасности. В рамках этого аспекта рассмотрим только один вопрос: в п. 23 Приложения к *Рекомендации № R (2005) 9 Совета Европы* в качестве основания прекращения защиты лица, содействующего правосудию, предложено установить *совершение защищаемым лицом умышленного преступления*. Очевидно, что отмена защиты повлечет прекра-

шение содействия правосудию. Если при этом цели уголовного судопроизводства останутся достижимыми (за счет использования иных помимо показаний указанного лица доказательств), то его привлечение к сотрудничеству с правоохранительными органами и обеспечение безопасности изначально были не нужны. Если же отмена мер безопасности и сопряженный с этим отказ лица от содействия правосудию повлекут невозможность достижения целей судопроизводства, то отменять меры безопасности не следует. Ведь их продолжение никоим образом не влияет на уголовно-процессуальную процедуру привлечения защищаемого лица к уголовной ответственности в связи с совершением им преступления (совершение им преступления может лишь негативно повлиять на оценку его показаний в уголовном деле, в котором он сотрудничает с правоохранительными органами). Необоснованность вышеуказанного предложения Совета Европы очевидна³².

Обязанности и ответственность участников правоотношений в сфере обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию.

Эффективность мер безопасности в значительной степени зависит от надлежащего поведения защищаемого лица. В США, например, возложение на него соответствующих обязанностей фиксируется в специальном документе – меморандуме (договоре). В российском *Законе о госзащите потерпевших* обязанности защищаемого установлены в ч. 2 ст. 23, и потому должны исполняться независимо от наличия договора. Договор же согласно ч. 6 ст. 18 *Закона* заключается органом, осуществляющим меры безопасности, и защищаемым лицом *в случае необходимости*³³. При заключении договора в нем могут быть предусмотрены *дополнительные* права и обязанности сторон (указанные же в ст. 23 и 24 *Закона* права и обязанности договором могут быть детализированы, но не изменены). Договор может устанавливать также: конкретные условия применения избранных мер безопасности (если эти условия не урегулированы Правилами применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства),

меры гражданско-правовой ответственности сторон за нарушения условий договора, основания и порядок его *расторжения*.

В ст. 27 *Закона о госзащите потерпевших* не указан *вид* ответственности защищаемого лица при совершении им перечисленных в статье деликтов. Поскольку отношения между государственным органом, выдавшим средства защиты, и защищаемым лицом не урегулированы административным законодательством, они регулируются нормами гражданского права, и совершение перечисленных в ст. 27 указанного *Закона* деяний, не запрещенных УК РФ, влечет ответственность защищаемого лица в соответствии со ст. 1064 и иными нормами ГК РФ. В случае нарушения защищаемым лицом условий договора, заключенного в соответствии с ч. 6 ст. 18 *Закона* и нормами гражданского законодательства РФ, применяются также нормы гл. 25 ГК РФ («Ответственность за нарушение обязательств»). Наступление же в результате уничтожения или повреждения защищаемым лицом выданного имущества последствий, предусмотренных ст. 167, 168 УК РФ, влечет его уголовную ответственность. Кроме того, защищаемое лицо подлежит привлечению к ответственности в соответствии со ст. 160 УК РФ в случае *присвоения* или *растраты* имущества, вверенного ему в связи с применением мер безопасности.

Должностные лица, виновные в неприятии решения об осуществлении госзащиты или в ненадлежащем ее осуществлении, согласно ст. 25 *Закона о госзащите потерпевших* несут ответственность, установленную российским законодательством. Таким образом, совершение предусмотренных в этой статье деяний, повлекших последствия согласно ст. 293 УК РФ («Халатность») влечет наступление *уголовной* ответственности, а иных нарушений требований по обеспечению госзащиты, в том числе не повлекших каких-либо негативных последствий, – *дисциплинарной* ответственности должностного лица в соответствии с ведомственным законодательством, регулирующим его привлечение к этой ответственности.

Как гласит ст. 26 *Закона о госзащите потерпевших*, разглашение сведений о защищаемом и применяемых в отношении его мерах безопасности лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью, влечет ответственность, предусмотренную действующим законодательством. Соответствующая ответственность *должностных лиц* установлена в ст. 311 УК РФ. Кроме того, по

³² О других вопросах, связанных с отменой мер безопасности, см., в частности: Брусицын Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. М., 2009. С. 101–103, 186, 197, 203–205.

³³ Поскольку договор заключается в соответствии с гражданским законодательством РФ, к нему применимы нормы подразд. 1 «Общие положения об обязательствах» и подразд. 2 «Общие положения о договоре» раздела III ГК РФ, в частности ст. 420–422 ГК РФ.

мнению специалистов в сфере уголовного права, к лицам, которым **доверяются** сведения о мерах безопасности, относятся сами защищаемые, т.е. последние также являются субъектом преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ³⁴. Такое толкование представляется обоснованным. Ведь разглашение защищаемыми лицами сведений о применяемых или применявшихся в отношении них мерах безопасности может влечь неэффективность этих мер при их применении к другим участникам уголовного судопроизводства, поставить под угрозу их жизнь, а также жизнь осуществляющих защиту сотрудников правоохранительных органов, привести к тяжким последствиям.

Представляется также, что ответственность по ст. 311 УК РФ наступает:

не только при разглашении сведений о мерах безопасности, примененных к участникам уголовного процесса, перечисленным в разд. II УПК РФ, но и при разглашении сведений о мерах безопасности, примененных в стадии возбуждения уголовного дела к лицам, указанным в ч. 2 ст. 2 Закона о госзащите потерпевших, т.е. к заявителю, очевидцу, жертве преступления и иным лицам, способствующим предупреждению или раскрытию преступления, если в этой стадии они стали участниками уголовно-процессуальных правоотношений, т.е. «участниками уголовного процесса».

при разглашении сведений не только о примененных мерах безопасности из числа предусмотренных *Законом о госзащите потерпевших*, но и при разглашении сведений о мерах безопасности, примененных в соответствии с некоторыми иными нормативными правовыми актами из числа указанных в ст. 5 Закона, например при разглашении сведений о личности человека, которому был предоставлен псевдоним в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Вред, причиненный гражданину деяниями, указанными в ст. 25 и 26 Закона о госзащите потерпевших, подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации в соответствии со ст. 1069 ГК РФ – как вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо их должностных лиц. При этом согласно п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса РФ в судах по искам к России о возмещении вреда, причиненного физическому лицу в результате

незаконных действий государственных органов (должностных лиц), представляет *главный распорядитель средств федерального бюджета по ведомственной принадлежности*, например для органов внутренних дел таковым является МВД России. Исполнение же судебных актов по искам к России согласно ст. 165 БК РФ возложено на Минфин России³⁵.

В ряде случаев защитить тех, кто содействует правосудию, можно лишь с помощью мер, **эффективных при условии, если они осуществляются лицами, имеющими специальную подготовку**. Ее отсутствие позволяет преступникам расправляться с защищаемыми. Так, 13 апреля 2008 г. в г. Карабулак (Республика Ингушетия), несмотря на охрану защищаемого лица, тот был застрелен³⁶. О необходимости специальных служб, где сотрудники могут получить соответствующую профессиональную подготовку, в том числе и в учебных заведениях, входящих в состав таких служб, свидетельствует опыт Италии, Германии, США и других стран. В России в настоящее время осуществление мер безопасности, предусмотренных *Законом о госзащите потерпевших*, возложено на органы различных служб: внутренних дел, федеральной службы безопасности, на таможенные органы и органы ФСКН (ч. 3 и 4 ст. 3 Закона). Программой «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы»³⁷ в этих органах предусмотрено создание соответствующих подразделений. К марту 2007 г. они были созданы в Департаменте по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД РФ, в управлениях МВД РФ по федеральным округам и в ряде субъектов РФ. С 2009 г. в соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. «центры по обеспечению

³⁵ Следует отметить, что у Российской Федерации не возникает права регресса к должностному лицу — причинителю вреда, поскольку предусмотренное в п. 3 ст. 1081 ГК РФ право регресса возникает в случаях, указанных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ: когда вред гражданину должностным лицом госорганов причинен в результате *незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ*, но не в результате деяний, указанных в ст. 25 и 26 Закона о госзащите потерпевших.

³⁶ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 8.

³⁷ Утверждена постановлением Правительства РФ «Об утверждении государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы» от 10 апреля 2006 г. // Правовая система «Гарант».

³⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2006 (Правовая система «Гарант»).

безопасности лиц, подлежащих государственной защите”, создаются на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью.

Следует заметить, что независимо от того, будет ли в России создана единая специальная служба по осуществлению мер безопасности или нет, деятельность по реализации универсальных мер безопасности, по мнению автора, должна быть урегулирована в одном (специальном) подзаконном акте, а не в разобщенных ведомственных приказах и инструкциях. К сожалению, Программой “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы” была предусмотрена разработка именно *ведомственных* нормативных актов (межведомственными предполагались только *инструкция о порядке взаимодействия* разных структур при осуществлении госзащиты и *инструкция по отчетности о применении мер госзащиты*³⁸). В 2007 г. МВД и ФСКН такие акты приняты, другими же структурами (ФСБ, Минобороны, ФСИН, ФТС и Минздравсоцразвития), на которые указанной Программой была возложена та же задача, на ноябрь 2008 г. она выполнена не была.

В заключение остановимся на вопросах реализации мер социальной поддержки (далее – меры соцподдержки). Согласно ст. 15 *Закона о госзащите потерпевших* они осуществляются в отношении *защищаемых лиц*. Таковыми являются лица, в отношении которых принято решение об осуществлении госзащиты (ч. 4 ст. 2 *Закона*). На основании ст. 5 *Закона* законодательство о госзащите включает и УПК РФ. Как уже отмечалось, в соответствии с ч. 2 ст. 3 *Закона* решение об осуществлении госзащиты принимают субъекты, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. Эти субъекты наряду с мерами, предусмотренными *Законом о госзащите потерпевших*, правомочны применять меры безопасности, предусмотренные УПК РФ. Таким образом, согласно ч. 4 ст. 2, ч. 2 ст. 3 и ст. 5 *Закона о госзащите потерпевших* “защищаемыми” являются граждане, к которым применены меры безопасности, предусмотренные не только названным *Законом*, но и УПК РФ. Следовательно, при наличии оснований, установленных в ст. 15 *Закона*, меры соцподдержки должны

осуществляться в отношении лиц, защищенных мерами безопасности из числа указанных как в данном *Законо* (*личная охрана* и пр.), так и в УПК РФ (*участие свидетеля в уголовном процессе под псевдонимом* и пр.).

Иное установлено в Правилах выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты³⁹, согласно которым пособия выплачиваются лишь тем лицам, в отношении которых, как следует из названия и содержания п. 1 названных Правил, принято решение об осуществлении мер безопасности, установленных *Законом о госзащите потерпевших*. Либо в этом *Законо*, т.е. на надлежащем законодательном уровне, следует указать то, что сейчас предусматривает противоречащий *Законо* подзаконный нормативный правовой акт, либо названные Правила надлежит привести в соответствие с *Законом*.

Другой аспект ст. 15 *Закона*: осуществление мер соцподдержки обусловлено тем, что защищаемое лицо *участвует* в уголовном судопроизводстве. В связи с этим правильно замечено: при причинении телесных повреждений не защищаемому свидетелю, а, например, его ребенку (с целью воздействия на свидетеля), ребенок, даже будучи наделенным статусом *защищаемого лица*, не имеет права на выплату указанных в ст. 15 *Закона* пособий, если он до причинения вреда не давал показаний и не участвовал иным образом в судопроизводстве; в то же время действующая редакция ст. 15 *Закона* обязывает произвести соответствующие выплаты в случаях, когда вред здоровью защищаемому лицу причинен, например, вследствие обрушения кровли помещения, где с его участием проводилось следственное действие, которое (обрушение) никоим образом не связано с посткриминальным воздействием⁴⁰. Очевидно, что ст. 15 *Закона* нуждается в существенной корректировке.

Согласно ч. 2 и 3 ст. 19 *Закона*, после получения сообщения о гибели защищаемого лица, причинении вреда его здоровью *в связи с участием* в уголовном процессе постановление о применении (либо об отказе в применении) мер соцподдерж-

³⁸ Тем не менее “Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства” обращены ко всем правоохранительным органам, на которые *Законом о госзащите потерпевших* возложена реализация мер безопасности.

³⁹ Утверждены постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 // Правовая система “Гарант”.

⁴⁰ См.: Шнитенков А.В., Великий Д.П. Комментарий к Федеральному закону “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”. М., 2007. С. 68–69.

ки принимается в течение *трех суток*. Однако в соответствии со ст. 140 УПК РФ такое сообщение – лишь повод для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, совершенного в отношении защищаемого лица, только в ходе производства по которому можно установить, что *мотивом* преступления, совершенного в отношении защищаемого лица, явилось его участие в уголовном судопроизводстве. Иначе говоря, лишь в рамках нового уголовного дела можно установить наличие *основания* применения мер соцподдержки. И при его установлении, исходя из содержания ч. 2 ст. 3 Закона о госзащите потерпевших, решение (в форме постановления либо определения) о применении этих мер должно быть вынесено судом после вступления в законную силу обвинительного приговора, постановленного этим же судом по данному (новому) уголовному делу. Исходя из сказанного, трехсуточный срок, предусмотренный в ч. 2 и 3 ст. 19 Закона, должен исчисляться не с даты первичного сообщения о гибели защищаемого либо о причинении вреда его здоровью, а с даты вступления в законную силу вышеуказанного приговора (представляется целесообразным дополнить УПК РФ нормой, позволяющей принять вышеуказанное решение непосредственно в приговоре, т.е. дополнить ч. 1 ст. 308 УПК РФ п. 13 следующего содержания: *«решение о применении мер социальной поддерж-*

ки в случаях, предусмотренных Федеральным законом “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”»). Представляется также, что постановление о применении мер соцподдержки может быть вынесено в ходе *досудебного производства* по уголовному делу, возбужденному в связи с посягательством на защищаемое лицо: при прекращении дела по нереабилитирующим обвиняемого основаниям либо при приостановлении производства по делу в случаях, предусмотренных ст. 208 и 238 УПК РФ.

Изложенное – лишь толкование вышеназванного Закона, поэтому необходима переработка его ст. 15 и 19 – как для исключения выплат защищаемым лицам пособий в случаях причинения им вреда, не связанных с посткриминальным воздействием, так и для обеспечения выплат пособий в случаях гибели или причинения вреда (в результате указанного воздействия) здоровью граждан – близких защищаемому лицу⁴¹.

⁴¹ О других аспектах развития рассматриваемого законодательства, в том числе о соотношении норм, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса и право обвиняемого на защиту см.: Брусницын Л.В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. 2004. № 2. С. 32–40.